

Иностранные подданные в России накануне и в годы Первой мировой войны: дореволюционная российская и советская историография

Во второй половине XIX – начале XX в. в российской исторической и юридической литературе достаточно большое внимание уделялось правовому статусу иностранных подданных. В значительной мере это было обусловлено активным развитием многосторонних отношений России с иностранными государствами в этот период, а также увеличением уровня иммиграции в Российскую империю. Эти обстоятельства актуализировали изучение исторического опыта государственной деятельности в отношении такой специфической социальной группы, как иностранные подданные. В 1888 г. был издан сборник нормативных актов «Об иностранцах в России». Издание преследовало практическую цель: *«дать администрации, суду, прокуратуре, адвокатуре и вообще всем нуждающимся такую книгу, которая заключала бы в себе действующее законодательство и разъясняющие оное судебные и правительственные постановления об иностранцах в России, а равно трактаты, конвенции и другие международные постановления, касающиеся последних»* [43, с. 5]. Сборник предварялся статьей его составителя присяжного поверенного М. И. Мыша, содержавшей общий обзор юридического положения иностранцев в России со второй половины XVII в. В статье рассматривается также ограничение ввиду обострившихся международных политических отношений имущественных прав иностранных подданных в западных губерниях, включая Виленскую, Витебскую и Минскую. В 1909 г. была опубликована монография Г. Г. Писаревского, посвященная появлению в России иностранных колоний [47]. Вопросы иммиграции китайцев в Российскую империю рассматриваются в публикациях И. С. Левитова, А. А. Панова, С. Д. Меркулова, Н. П. Матвеева и др. [33; 38; 39; 46]. В данных статьях и монографиях отображена обеспокоенность российского государства и части общественности ростом численности китайских иммигрантов в России во второй половине XIX – начале XX в.

В дореволюционных публикациях приводятся также и статистические сведения об иностранцах в белорусских губерниях. В статистическом исследовании Н. А. Тизенгаузена, изданном в 1910 г., указывается количество иностранцев и их распределение по группам языков в составе как городского, так и сельского населения Виленской, Гродненской, Витебской, Минской и Могилевской губерний [59].

С начала Первой мировой войны особую остроту приобрел вопрос о положении в Российской империи подданных воюющих с ней государств. Этой проблеме посвящен ряд юридических, исторических и публицистических статей и монографий военных лет. О гражданско-правовом положении «неприятельских» подданных в России писали С. И. Добрин, К. Э. Линдеман, Э. Бутру, С. П. Мансырев, М. В. Муравьев и др. [16; 34; 40]. Наряду с публикациями пропагандистского, ксенофобского содержания предпринимались также попытки и объективного осмысления изменений в

международном и внутреннем праве в результате войны. Так, в работах С. И. Добринина отмечалось, что начавшаяся война не аннулировала полностью довоенные международные конвенции о правах иностранцев [16, с. 64–65]. В 1915 г. бывший профессор Петровской сельскохозяйственной академии К. Э. Линдеман опубликовал монографию, в которой проанализировал масштабы иностранного («немецкого») землевладения в России, а также положения закона от 2 февраля 1915 г., направленного на ограничение в империи иностранного землевладения. Однако внимание автора преимущественно обращено на регионы, где немецкое землевладение было представлено в наибольшей степени, а потому белорусские губернии не упоминаются [34]. Уже в военные годы стали появляться публикации, в которых освещались вопросы обращения с военнопленными [11]. Отдельные монографии, изданные в период Первой мировой войны, были посвящены военнопленным чешской и словацкой национальностей [9; 29]. Этот контингент военнопленных отличался значительной численностью и активным участием в Гражданской войне в России. В 1918 г. Чешско-Словацкий национальный совет издал в Екатеринбурге монографию Ф. О. Велеховского «Чехословаки в России», коротко рассматривающую историю чешского и словацкого народов и их участие в Первой мировой войне и в гражданской войне в России. Первые чешско-словацкие боевые части в составе российской армии формировались из гражданских лиц – австро-венгерских подданных, временно или постоянно пребывавших на территории России. В монографии также упомянута высылка подданных воюющих с Россией государств в отдаленные от фронта губернии, что, по мнению автора, тормозило процесс создания чешско-словацких войск. В монографии отсутствуют подробные сведения о формировании чешско-словацких боевых частей, их численном составе, участии в военных действиях. Не приводятся статистические данные и о выселениях австро-венгерских подданных чешской и словацкой национальностей. Выявление этих фактов и не было целью монографии. Она не является научным исследованием. Это публицистическое воззвание, автор которого ставит своей целью убедить общественность в том, что Чешско-Словацкий корпус оказывает сопротивление большевикам вынужденно, только из самообороны. По его утверждению, большевики стремятся полностью разоружить и расформировать чешско-словацкие части. Последние же хотят лишь скорее покинуть пределы России и не желают принимать участие в Гражданской войне [9]. Тем не менее, монография Ф. О. Велеховского является одной из первых публикаций, посвященных положению чехов и словаков в России и их участию в Первой мировой и Гражданской войнах. В этом же году была опубликована монография бывшего военного корреспондента «Русских ведомостей» Н. С. Каржанского «Чехословаки в России: По неизданным официальным документам», в которой преследовалась цель осветить историю зарождения и развития чешско-словацких боевых частей. Наибольшее внимание в своей монографии автор уделил попыткам создания этих частей до Февральской революции 1917 г. Он приводит ряд документов, отображающих взгляды ряда высших военных и гражданских чиновников по этому вопросу.

Автор часто критикует имперское правительство, не спешившее создавать добровольные части из военнопленных. По его мнению, причина заключалась в волоките и происках «германофилов». Однако на наш взгляд, российское имперское правительство одобряло эту идею, считало ее вполне целесообразной, но все же воздерживалось от создания крупных войсковых частей из иностранных военнопленных. Российские власти не сомневались в их враждебности к Германии и Австро-Венгрии, но опасались влияния на них политических сил, выступавших за демократические преобразования в России и Европе, что привело бы к существенному ограничению или замене монархических режимов республиканскими. Именно по этой причине активное формирование Чешско-Словацкого корпуса стало возможным только после Февральской революции и отстранения от власти Дома Романовых. Автор описывает развертывание этих частей, упоминая и г. Бобруйск, как один из пунктов формирования, обстоятельства перевода чешско-словацких частей во Францию, запланированного еще при Временном правительстве [29, с. 65–84]. Участие же в боевых действиях Первой мировой войны автором не рассматривается. Также автор уже без какого-либо собственного комментария публикует официальные сообщения советских государственных деятелей, по-своему объяснявших мятеж Чешско-Словацкого корпуса против советской власти. По их утверждению, советская власть не стремилась задерживать и разоружать чехо-словаков. Их продвижению препятствовали неблагоприятные военно-политические обстоятельства, которыми умело воспользовались «контрреволюционные» агитаторы. По заявлению советских высших должностных лиц, вооруженные столкновения между чехо-словаками и большевиками были недоразумением [29, с. 84–95].

Таким образом, значительное количество публикаций, изданных в годы Первой мировой войны носило юридический характер. Специалисты соответствующего профиля анализировали правовое положение иностранцев в России. Много внимания уделялось подданным воюющих с Россией государств, временно или постоянно проживавшим на ее территории. Также за авторством многих ученых, государственных и общественных деятелей выходил в свет ряд характерных для военного времени публикаций пропагандистского содержания, в негативном ключе описывающих читателям пребывавших в России «неприятельских» подданных и российских подданных иностранного происхождения (в первую очередь, немецких колонистов). В военные годы издаются и первые монографии, посвященные иностранным военнопленным.

После установления в России советской власти начался новый этап исторической науки. В рамках марксистско-ленинской методологии Первая мировая война и довоенная история России стали рассматриваться как предыстория социалистической революции и последующего переустройства государства и общества на новых началах. Это суживало тематику исследований. На первое место выдвинулось изучение рабочего, крестьянского и солдатского движения, деятельности партии большевиков, участия иностранных граждан в революции и Гражданской войне в России. Однако при

этом в 1920-е гг. появляются обобщающие публикации, охватывающие весь ход военных действий Первой мировой войны. В межвоенные годы в СССР публикуются обобщающие монографии участника Первой мировой войны, бывшего генерала от инфантерии российской императорской армии, в последующем советского военного деятеля А. М. Зайончковского. Автор привел подробные сведения не только о боевых действиях, но и об армиях и военно-морских флотах стран-участниц войны, военно-стратегическом планировании накануне и в годы войны, географических особенностях театров военных действий. Автор не касается гуманитарных аспектов войны, включая вопросы содержания военнопленных. Он не дает даже общую оценку потерям воюющих сторон военнопленными. Очевидно, как военачальника, его интересовала та сфера, в которой он был наиболее компетентен – анализ оперативной обстановки на фронтах в течение войны (соотношение сил, ход боевых действий и их результаты) [23; 24]. Хотя он и упоминает *«колоссальную смертность в лагерях военнопленных»*, но приводит пример только российских военнопленных. По его данным, в лагерях Германии и Австро-Венгрии в годы войны умерло почти 500 тыс. человек [25, т. 2, с. 267].

О событиях на фронтах Первой мировой войны писали многие участники Белого движения: С. К. Добророльский, Ю. Н. Данилов, В. С. Драгомирецкий, А. П. Будберг, Н. Н. Головин и др. [7; 12; 15; 17; 19] В. С. Драгомирецкий приводит подробные сведения о создании боевых частей из пленных чехословаков и их боевом использовании. Свою работу автор написал с позиции панславизма – идеи о необходимости объединения славян. Немцев автор рассматривает как традиционных и непримиримых врагов славянства. Автор также выражает и свое недоверие к многочисленной российской немецкой диаспоре [19]. Пребывания в России иностранных военнопленных кратко касается Н. Н. Головин. Он использует в своем исследовании таблицы из статистического сборника «Россия в мировой войне (в цифрах)». Применение труда военнопленных автор характеризует как неэффективное из-за отсутствия хорошо продуманной системы использования военнопленных в качестве рабочей силы [12, т. 1, с. 118–119].

В 1920–1930-е гг. в работах П. В. Оля, С. Л. Ронина, Л. Г. Ляндау, Л. Я. Эвентова анализируется участие иностранного капитала в экономике дореволюционной России [36; 44; 53; 56; 67]. Исследователи отмечали рост иностранных инвестиций в различные отрасли народного хозяйства с первой половины XIX в. до начала XX в. Сложившиеся до Первой мировой войны тесные и разносторонние связи с Германией, в том числе и экономические, обусловили неоднозначное отношение к войне с ней среди российской правящей элиты. Этому была посвящена монография В. П. Семенникова, в которой поднимается вопрос о «германофильских настроениях» среди политической и экономической верхушки России в 1914–1917 гг. По мнению автора, Дом Романовых незадолго до Февральской революции был готов к сепаратному миру с Германией. К этому ее подталкивала и часть российских деловых кругов, заинтересованная в восстановлении довоенных связей с Германией [56, с. 148]. Кроме германских фирм и банков большую активность

в России проявляли также французские, английские и бельгийские предприниматели [36, с. 10]. Л. Г. Ляндау отмечает как отрицательный, так и положительный эффект от прилива иностранных капиталов в экономику России. Отрицательный эффект заключался в отливе прибыли за границу, но, по оценке автора, в долгосрочной перспективе значительно более важен был положительный эффект. Благодаря иностранцам происходило в целом поднятие хозяйства страны, а также рост заработной платы, поскольку с созданием новых рабочих мест повышался и спрос на рабочую силу [36, с. 9]. Необходимо отметить, что в первой половине 1920-х гг. выход этой монографии во многом обуславливался и проводимой в те годы в СССР новой экономической политикой, которая до объявления курса на индустриализацию с опорой на внутренние силы предусматривала достаточно тесное взаимодействие советской экономики с иностранными фирмами. В то время советские экономисты ставили перед собой задачу осмыслить накопленный в досоветской России опыт концессионирования (участие иностранных капиталов в акционерных и паевых предприятиях, облигационных займах и т.д.). В частности, Л. Г. Ляндау писал, что его монография *«и написана с целью дать трудящимся всего нашего Союза самое общее представление о роли иностранного капитала в дореволюционной России и о возможной форме его участия в развитии народного хозяйства в СССР»* [36, с. 3]. Но уже во второй половине 1920-х гг. роль иностранного капитала в дореволюционной России кардинально переоценивается. В предисловии к книге С. Л. Ронина «Иностранный капитал и русские банки: К вопросу о финансовом капитале в России» экономист Л. Н. Крицман пишет: *«русские банковские монополии иностранного капитала грабили Россию, опираясь не столько на средства, привлекаемые из-за границы, сколько на средства, поступающие в их распоряжение в России, в частности, в значительной мере, через находившееся в зависимости от них царское министерство финансов. Значение нашей революции в этой области состоит не столько в захвате иностранных капиталов, сколько в разрушении хищнической организации закабаления России при помощи поступающих в распоряжение иностранного капитала туземных средств»* [53, с. 6].

В конце 1910-х – 1920-е гг. появляются также издания, освещающие влияние войн и революций на экономику и демографию России и СССР, общее состояние народного хозяйства после окончания Гражданской войны. В этих публикациях также затрагивается положение в России иностранцев и российских подданных иностранного происхождения. В аналитической монографии С. Н. Прокоповича «Война и народное хозяйство» законы от 2 февраля–13 декабря 1915 г. о ликвидации «немецкого» землевладения оцениваются как фактор, негативно повлиявший на состояние сельского хозяйства. Эти законы не приводились в действие сразу, но угроза отчуждения земли лишала землевладельцев и землепользователей, и в первую очередь немецких колонистов, стимулов к ведению сельского хозяйства [52, с. 156–159.]. Положение в белорусских губерниях автором обособленно не рассматривается. В опубликованном в 1921 г., еще до окончательного

завершения Гражданской войны в России, сборнике статей и докладов А. М. Аникста рассматривается использование труда китайских граждан и военнопленных [3, с. 40–46]. Этот вопрос оставался особенно актуальным, так как в России на момент выхода книги А. М. Аникста пребывало значительное количество иностранных рабочих и военнопленных, возвращение которых на родину сильно тормозилось расстройством транспорта и Гражданской войной. В статье «Желтый труд в России» приводятся сведения о количестве китайских рабочих, привлеченных к обслуживанию Александровской железной дороги, проходившей через белорусские губернии [3, с. 42]. В 1922 г. был опубликован курс лекций Н. А. Данилова, прочитанный им в Военно-инженерной академии в 1920–1921 гг. По его сведениям, всего для восполнения убыли рабочих рук вследствие мобилизации было привлечено к труду около 3 млн. человек из военнопленных, беженцев, а также вольнонаемных китайских рабочих, но, по его мнению, качество труда военнопленных и китайских граждан было ниже, чем у бывших рабочих, призванных в армию. Однако более детально этот вопрос автором не рассматривается [14, с. 32]. Крупными изданиями, вышедшими до Великой Отечественной войны и содержащими подробные статистические сведения о положении в народном хозяйстве и изменениях в структуре населения как до Октябрьской революции, так и в первые годы после нее стали «Сборник статистических сведений по Союзу ССР за 1918–1923 гг.», «Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции» Л. И. Лубны-Герцыка, «Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР» В. В. Осинского, «Динамика народонаселения за 80 лет» Е. З. Волкова, «Россия в мировой войне (в цифрах)» и др. [10; 35; 45; 54; 60]. В подготовленном Центральным статистическим управлением «Сборнике статистических сведений по Союзу ССР за 1918–1923 гг.» имеются сведения о распределении администрации и служащих фабрично-заводских предприятий по подданству и техническому образованию на 31 августа 1918 г., о национальном составе населения по переписи 1920 г. без подробного указания гражданской принадлежности [60, с. 30–37, 186–188]. В монографии Л. И. Лубны-Герцыка, освещающей факторы движения населения России накануне и в годы Первой мировой и Гражданской войн, указываются потери пленными стран-участников Первой мировой войны [35]. Анализ иммиграции в Российскую империю в XIX – начале XX в. содержится в монографии В. В. Осинского. Обращая внимание на то, что в дореволюционной России отсутствовала классификация приезжих иностранцев по социальному положению и занятиям, автор предлагает собственную классификацию. Он выделяет такие категории оседавших в России иностранных подданных, как неквалифицированные рабочие, крестьяне-земледельцы, ремесленники и мелкие торговцы, купцы и торговые агенты, интеллигенция, квалифицированные рабочие и мастера, управленческий персонал крупных фирм. Основной поток иммигрантов шел из сопредельных с Россией государств (Германия, Австро-Венгрия, Персия, Китай). На основе ограниченных данных автором также предпринята попытка проанализировать иммиграцию в Россию и СССР в период войн и революций. Указывается, что в

целом происходило существенное сокращение иммиграции, но при этом до 1918 г. имел место приток в Россию китайских и персидских подданных [45, с. 114–127]. В работе Е. З. Волкова устанавливается динамика численности иностранных военнопленных в России по годам. К особой категории беженства Волков относит также выселенцев. При этом перемещенные дореволюционными властями иностранные подданные в монографии отдельно не рассматриваются [10, с. 72–77]. В 1925 г. отдел военной статистики Центрального статистического управления издал статистический справочник «Россия в мировой войне (в цифрах)», в котором представлены сведения о распределении иностранных военнопленных по всем военным округам Российской империи, включая Двинский и Минский. Указано и движение численности иностранных военнопленных, захваченных с начала войны и по 1 сентября 1917 г. (распределение по пунктам водворения и лечебным заведениям, смертность, побег и т.д.) [54, с. 40–41].

В межвоенные десятилетия в СССР выходят в свет публикации Н. М. Жданова, А. Л. Попова, И. И. Ульянова, А. С. Шипека, И. Шнейдера и др., посвященные пребыванию в России иностранных военнопленных Первой мировой войны [22; 49; 61; 65; 66]. Статья Н. М. Жданова является одной из первых публикаций, в которой предпринята попытка проанализировать соответствие норм международного и внутреннего (национального) права реальным условиям содержания военнопленных во всех воюющих странах. Автор отмечает недееспособность многих правовых норм в условиях минувшей мировой войны. В статье также указывается, что в военное время понятие военного плена было расширено. На положении военнопленных оказались сотни тысяч невоюющих граждан «враждебных» государств. Также в России были существенно стеснены в правах так называемые «германские выходцы», принявшие российское подданство в течение последних десятилетий до начала войны [22]. Однако эти аспекты не стали предметом углубленного изучения в последующих публикациях, посвященных военному плену. Основное внимание советских исследователей сосредоточилось на участии иностранных военнопленных в революции и Гражданской войне в России. С 1930-х и до конца 1960-х гг. практически не изучалось положение в дореволюционной России и в СССР иностранцев и лиц иностранного происхождения, относившихся к гражданскому населению. В 1930-е гг. в периодике БССР появляются заметки о китайском национальном колхозе в Витебской области, в котором жили и работали выходцы из Китая, прибывшие на заработки в Россию в годы Первой мировой войны [8, с. 1; 30, с. 12]. В годы Великой Отечественной войны была издана книга И. И. Никитинского и П. Г. Софинова с характерным для того периода названием «Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг.», в негативном свете выставляющая немецких колонистов в Российской империи [41]. В целом, до середины 1950-х гг. история Первой мировой войны не становилась объектом пристального внимания со стороны советской исторической науки.

С середины 1950-х гг. количество исследований, посвященных Первой мировой войне существенно возрастает. В значительной мере это было

обусловлено 50-летним юбилеем Октябрьской революции, произошедшей в период Первой мировой войны. В СССР выходят в свет фундаментальные исследования международной дипломатии накануне и в годы Первой мировой войны, военных действий, материально-технического состояния вооруженных сил противоборствующих государств, влияния мировой войны на военное искусство [6; 27; 48; 55; 58]. В 1954 г. А. Б. Амелин в своей кандидатской диссертации обратился к истории международно-правового регулирования военного плена со средних веков до подписания Женевской конвенции 1949 г. Касаясь военного плена в годы Первой мировой войны, А. Б. Амелин в духе своего времени концентрируется на негативных реалиях пребывания иностранных военнопленных в дореволюционной России и других странах-участниках конфликта, руководимых «империалистами». Он пишет: *«Все эти международные конвенции [гаагские конвенции 1899 и 1907 гг. – С. Р.] были разорваны империалистическими державами в клочки во время первой мировой войны, сопровождавшейся вопиющими нарушениями международного права и, в частности, законов и обычаев военного плена. Буржуазия уничтожала ею же созданную и ставшую для нее невыносимой законность»* [1, с. 6]. Потери стран-участников Первой мировой войны пленными военными служащими исследуются в рамках монографии Б. Ц. Урланиса «Войны и народонаселение Европы» [62].

В 1950–1980-е гг. экономическому положению России в годы Первой мировой войны были посвящены публикации Б. В. Ананьича, А. Г. Донгарова, В. С. Дякина, Т. М. Китаниной, И. В. Маевского, А. Л. Сидорова, Г. И. Шигалина и др. В контексте этих исследований затрагивается и положение в России иностранных подданных. Как и в предшествующие десятилетия, большинство таких исследований рассматривает иностранных военнопленных [2; 4; 18; 20; 32; 37; 57; 64].

Использование труда иностранных военнопленных в промышленности и сельском хозяйстве России кратко упомянуто в монографии Г. И. Шигалина «Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.)» [64, с. 152, 194]. В работе И. В. Маевского «Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны» также кратко было рассмотрено привлечение иностранных военнопленных к труду в Российской империи. Отмечалось, что доля рабочих из военнопленных в российской экономике возрастала, хотя эффективность их работы и оценивается автором как более низкая по сравнению с трудом местных рабочих [37, с. 322–323, 334]. Более детально применение труда иностранных военнопленных изучается в монографии А. М. Анфимова «Российская деревня в годы Первой мировой войны». Основываясь на материалах Центрального государственного военно-исторического архива (в настоящее время – Российского государственного военно-исторического архива), автор приводит сведения о количестве военнопленных в распоряжении министерств Российской империи в 1914–1916 гг. Он приходит к выводу, что большая часть военнопленных (57,4%) выделялась министерству земледелия. Ведомства, отвечавшие за промышленность и железнодорожный транспорт, получили в свое

распоряжение 30,5% рабочих из военнопленных. В монографии указываются численность и состав наемной рабочей силы у частных владельцев в 1916 г., а также доля хозяйств, пользовавшихся трудом военнопленных и беженцев. Исследователь обращает внимание читателя на то, что в сельском хозяйстве военнопленные направлялись прежде всего в наиболее крупные (помещичьи) хозяйства. В этом автор видит проявление социальной несправедливости, так как ходатайства крестьян по этому вопросу обычно не удовлетворялись [4, с. 95–104, 195]. Однако А. М. Анфимов не учитывает, что в период Первой мировой войны власти стремились использовать труд военнопленных в тех отраслях экономики, которые обслуживали действующую армию. Поэтому военнопленных выделяли наиболее производительным хозяйствам, продукция которых имела большое значение для снабжения армии. В монографии А. Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы первой мировой войны» кратко освещено использование на примере юга России, Урала и центрально-европейских губерний труда иностранных подданных, включая военнопленных и «несколько десятков тысяч» китайских рабочих. По данным автора, большинство военнопленных поступало на сельскохозяйственные работы в распоряжение крупных помещиков (в сентябре 1915 г. в ведении Министерства земледелия находились 59% всех пребывавших в России военнопленных). При этом на распределение иностранных рабочих по отраслям экономики, согласно А. Л. Сидорову, оказывала большое влияние конкуренция между стремящимися к обогащению «эксплуататорскими классами» – промышленной буржуазией и дворянами-землевладельцами. С осени 1916 г. труд военнопленных активно использовался на заготовках дров к отопительному сезону [57, с. 411–412, 416–417, 451–452, 536].

Положение в России других категорий иностранцев (рабочие, земледельцы, торговцы, управленческий персонал фирм и др.) также всесторонне и глубоко не изучалось. В монографии А. М. Анфимова «Российская деревня в годы первой мировой войны» кратко описано действие закона 2 февраля 1915 г., на основании которого Крестьянский поземельный банк скупал землю, принадлежащую подданным воюющих с Россией государств. В книге использованы статистические сведения из отчетов Крестьянского поземельного банка за 1915–1916 гг. Автор охарактеризовал эту деятельность как операцию, задуманную царизмом с целью возбуждения патриотизма крестьянства. Медленные темпы реализации закона 1915 г. А. М. Анфимов в духе господствовавшего в советской историографии классового подхода объясняет опасением правящих кругов перед возможностью социального взрыва, когда крестьяне могли потребовать раздела всей помещичьей земли [4, с. 328–329]. В этом же исследовании упомянут принудительный труд гражданских пленников (в монографии используется именно этот термин) [4, с. 104]. С 1960-х гг. исследованием государственной кампании по ликвидации так называемого немецкого засилья в России в годы Первой мировой войны занимался В. С. Дякин. В статье для сборника «Первая мировая война», изданном к 50-летию окончания Первой мировой войны, В. С. Дякин осветил деятельность царского правительства по ограничению и

ликвидации иностранного «вражеского» предпринимательства в сельском хозяйстве и промышленности России в 1914–1917 гг. Данную политику автор характеризует как попытку властей разжечь в обществе «шовинистические» настроения, избавить отечественных производителей от конкурентов и подчинить государственному контролю определенные предприятия, важные в период войны. Однако в силу ряда причин эта политика оказалась неэффективной [20, с. 227–238.]. В монографии А. Л. Сидорова «Экономическое положение России в годы первой мировой войны» прослежена динамика учреждения в России иностранных акционерных компаний в 1913–1917 гг., указана их доля среди всех акционерных компаний, открывшихся в этот период, отмечено существенное сокращение иностранных инвестиций в российскую экономику в военные годы [57, с. 343–344]. Использование труда иностранных рабочих (персов, корейцев, китайцев) упомянуто в монографии И. В. Маевского «Экономика русской промышленности в условиях Первой мировой войны». При этом какие-либо точные цифры, отображающие масштаб использования иностранных рабочих, автором не приводятся [37, с. 323–324]. В этой же монографии рассматривается участие иностранного капитала в экономике Российской империи накануне и в годы Первой мировой войны. Автор передает официальную исключительно негативную позицию, установившуюся в советской исторической науке с середины 1920-х гг., в отношении роли иностранных фирм на территории России: *«Таким образом, приток иностранных капиталов в русскую промышленность привел не только к захвату иностранными монополиями важнейших сфер промышленности (металл, уголь, нефть, химия, электротехника и т. д.), но и к торможению индустриального развития страны, к ослаблению ее промышленного и общеэкономического потенциала, к все большему усилению ее экономической и политической зависимости от международных монополий и передовых капиталистических стран Западной Европы и Америки»* [37, с. 27, 262–268]. Автор также сжато рассматривает положение германских фирм в России в годы Первой мировой войны. Он утверждает, что многие немецкие компании смогли избежать секвестра и даже использовались иностранной разведкой для шпионажа и диверсий [37, с. 268–272]. Только после распада СССР стали выходить публикации, доказавшие, что с начала войны российские власти развернули в стране масштабную кампанию по борьбе с «немецким засильем», создавшую очень неблагоприятные условия для немецкого бизнеса в России.

С 1950-х гг. в СССР появляется ряд публикаций о службе граждан дальневосточных государств в вооруженных силах Советской России в период Гражданской войны. В 1950–1980-е гг. этот аспект освещался в исследованиях И. И. Бабичева, А. М. Дунаевского, Л. И. Жарова, Лю Юн Аня, Г. С. Новогрудского, И. И. Понятовского, Н. А. Попова, В. М. Устинова и др. [5; 21; 25; 26; 31; 42; 50; 51]. Ряд статей в энциклопедическом издании 1983 г. «Гражданская война и интервенция в СССР» посвящен иностранным гражданам, сражавшимся как на стороне, так и против советской власти [13, с. 128, 234–237, 257, 259, 266, 287, 314, 330, 420, 572, 645, 647, 656–657]. Иностранцев граждан, участвовавших в Гражданской войне в России на

стороне советской власти, было принято называть в историографии советского периода «иностранными интернационалистами». Большинство красногвардейцев иностранного происхождения состояло из военнопленных и вольнонаемных восточноазиатских рабочих. Советские исследователи в ряде публикаций сжато освещали условия жизни и труда в дореволюционной России иностранных военнопленных и рабочих. При этом было принято освещать исключительно негативные реалии, провоцировавшие среди иностранцев недовольство, леворадикальные настроения и рост симпатий к большевикам.

Во второй половине 1980-х – начале 1990-х гг. в советской исторической науке на волне гласности расширяется тематика исследований, предпринимаются попытки пересмотра ранее господствовавших представлений. Появляются публикации о положении национальных меньшинств в России. Т. Д. Филимонова и В. М. Кабузан опубликовали статьи об этнических немцах [28; 63]. В монографии А. Г. Донгарова переосмысливается роль иностранного капитала в экономике Российской империи и отмечается, что иностранные инвестиции являлись важным фактором в индустриализации России в конце XIX – начале XX в. [18].

Таким образом, в научной литературе Российской империи и СССР уделялось внимание вопросам, связанным с пребыванием иностранцев. До Первой мировой войны количество литературы, посвященной иностранцам возрастало, что было вызвано ростом иммиграции в Россию. Власти и общество были заинтересованы в осмыслении этого явления и выработке наиболее адекватных норм, регулирующих их отношения с этой особой социальной группой. В военные годы значительно увеличилось внимание к так называемым «вражеским» иностранцам, и особенно иностранным военнопленным. В литературе военных лет отражено различное отношение к этой группе населения. В пропагандистских публицистических текстах они однозначно провозглашались врагами, но были и попытки всесторонне оценить правовой статус этих людей в военных условиях. Публикации, посвященные исключительно иностранным военнопленным, появлялись уже в годы войны. Их авторы преследовали различные цели: обратиться к накопленному опыту по обращению с военнопленными, выразить то или иное отношение к действиям частей, сформированным из военнопленных чешской и словацкой национальностей. В период СССР специальных исследований, посвященных иностранным подданным, появлялось очень мало. Их положение обычно затрагивалось в русле более широких тем, признававшихся государственными идеологическими службами актуальными. В этой связи советских историков преимущественно интересовала роль иностранных военнопленных и гражданских лиц иностранного происхождения в победе советской власти в Гражданской войне. При этом было принято давать негативную оценку деятельности Российской империи в отношении иностранных граждан, и особенно военнопленных, чтобы обосновать их участие в боевых действиях на стороне советской власти. Также в советский период издаются первые публикации, авторы которых попытались изучить масштаб использования труда военнопленных, их распределение по военным округам, провести

классификацию иностранных подданных по социальному положению и занятиям, изучить иммиграцию в Россию и миграцию иностранцев внутри Российской империи. Эти темы затрагиваются в подготовленных в СССР фундаментальных статистических исследованиях динамики народонаселения, которые не утратили своего практического значения и для современной исторической науки. Еще одним наиболее типичным направлением в исследовании положения иностранцев в России была роль иностранных фирм в экономическом развитии страны. В течение всего советского периода она оценивалась неоднозначно. В первой половине 1920-х гг. отмечались ее положительные стороны, с середины 1920-х гг. возобладала исключительно негативная оценка, с середины 1980-х гг. исследователи вновь отходят от однозначных оценок. Пребывание иностранцев в белорусских губерниях вплоть до 1990-х гг. специально не изучалось. Только в более широком контексте упоминаются отдельные белорусские территории. Таким образом, жесткий идеологический контроль советского времени серьезно ограничивал тематику исторических исследований и не допускал какую-либо альтернативную оценку событий. Тем не менее, в советский период был обозначен ряд направлений в исследовании этой темы, происходило выявление и накопление фактического материала, используемого и в современной историографии и при этом серьезно дополненного и осмысленного уже с более объективных позиций в постсоветские годы.

Источники и литература

1. Амелин, А. Б. Международно-правовое регулирование военного плена : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / А. Б. Амелин ; Акад. обществ. наук при ЦК КПСС. Кафедра права. – Москва, 1954. – 15 с.
2. Ананьич, Б. В. Банкирские дома в России. 1860–1914 гг. / Б. В. Ананьич. – Москва : Наука, 1991. – 197 с.
3. Аникст, А. М. Организация распределения рабочей силы : Статьи и доклады за 1918–20 гг. / А. М. Аникст. – Москва : Типо-лит. М.Г.С.Н.Х. (бывш. Машистова), 1918. – 118 с.
4. Анфимов, А. М. Российская деревня в годы первой мировой войны / А. М. Анфимов. – Москва : Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1962. – 383 с.
5. Бабичев, И. И. Участие китайских и корейских трудящихся в Гражданской войне на Дальнем Востоке / И. И. Бабичев. – Ташкент : Госиздат УзССР, 1959. – 84 с.
6. Бескровный, Л. Г. Армия и флот России в начале XX в. : Очерки военно-экономического потенциала / Л. Г. Бескровный. – Москва : Наука, 1986. – 238 с.
7. Будберг, А. П. Вооруженные силы Российской Империи в исполнении общесоюзных задач и обязанностей во время войны 1914–17 г. / А. П. Будберг // Вестник Общества российских ветеранов Великой войны. – 1939. – № 158 (9). – 57 с.
8. Васільеў, Р. М. Шырыць масавы паход калгаснай вёскі / Р. М. Васільеў // Віцебскі пралетарый. – 1934. – № 64. – С. 1.

9. Велеховский, Ф. О. Чехословаки в России / Ф. О. Велеховский. – Екатеринбург : Изд. Чехословацкого национального совета, 1918. – 39 с.
10. Волков, Е. З. Динамика народонаселения СССР за восемьдесят лет / Е. З. Волков. – Москва–Ленинград : Гос. изд-во, 1930. – 271 с.
11. Гессен, Ю. И. Пленные в России с древних времен / Ю. И. Гессен. – Петроград : Тип. Л. Я. Ганзбурга, 1918. – Вып. 1: Выкуп пленных – 84 с.
12. Головин, Н. Н. Военные усилия России в мировой войне : в 2 т. / Н. Н. Головин. – Париж : Т-во Объединенных Издателей, 1939.
13. Гражданская война и военная интервенция в СССР : энциклопедия / под ред. С. С. Хромова. – Москва : Советская энциклопедия, 1983. – 702 с.
14. Данилов, Н. А. Влияние великой мировой войны на экономическое положение России : Лекции, читанные в Военно-Инженерной Академии в 1920–21 учеб. году / Н. А. Данилов. – Петроград : ГИЗ, 1922. – 95 с.
15. Данилов, Ю. Н. Россия в мировой войне 1914–1915 гг. / Ю. Н. Данилов. – Берлин : Слово, 1924. – 397 с.
16. Добрин, С. И. Гражданско-правовое положение в России подданных воюющих с ней государств / С. И. Добрин // Вестник гражданского права. – 1914. – № 6. – С. 60–98.
17. Добророльский, С. К. Проблема обороны государства / С. К. Добророльский. – Москва : Гос. воен. изд-во, 1926. – 51 с.
18. Донгаров, А. Г. Иностраный капитал в России и СССР / А. Г. Донгаров. – Москва : Международные отношения, 1990. – 168 с.
19. Драгомирецкий, В. С. Чехословаки в России. 1914–1920 / В. С. Драгомирецкий. – Париж ; Прага : [б. и.], 1928. – 219 с.
20. Дякин, В. С. Первая мировая война и мероприятия по ликвидации так называемого немецкого засилья / В. С. Дякин // Первая мировая война 1914–1918 / под ред. А. Л. Сидорова. – Москва : Наука, 1968. – С. 227–238.
21. Жаров, Л. И., Устинов, В. М. Интернациональные части Красной Армии в боях за власть Советов в годы иностранной военной интервенции и гражданской войны в СССР / Л. И. Жаров, В. М. Устинов. – Москва : Воениздат, 1960. – 160 с.
22. Жданов, Н. М. Военный плен в условиях мировой войны / Н. М. Жданов // Сборник статей по военному искусству. – Москва : Госиздат, 1921. – С. 80–139.
23. Зайончковский, А. М. Мировая война 1914–1918 гг. : общий стратегический очерк / А. М. Зайончковский. – Москва : Гос. воен. изд-во, 1924. – 457 с.
24. Зайончковский, А. М. Мировая война 1914–1918 гг. / А. М. Зайончковский : в 3 т. – Москва : Гос. воен. изд-во наркомата обороны СССР, 1938.
25. Интернационалисты в боях за власть Советов / под ред. М. А. Бирмана [и др.]. – Москва : Мысль, 1965. – 398 с.
26. Интернационалисты : трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов / редколл. : А. Я. Манусевич (отв. ред.) [и др.]. – Москва : Наука, 1967. – 614 с.

27. История первой мировой войны 1914–1918 гг. : в 2 т. / А. М. Агеев, Д. В. Вержховский, В. И. Виноградов [и др.]; под ред. И. И. Ростунова. – Москва : Наука, 1975.
28. Кабузан, В. М. Немецкое население в России / В. М. Кабузан // Вопросы истории. – 1989. – № 12. – С. 18–29.
29. Каржанский, Н. С. Чехословаки в России : По неизданным официальным документам / Н. С. Каржанский. – Москва : Змій, 1918. – 95 с.
30. Кітайскі нацыянальны колгас «Перамога» (Віцебшчына) // Чырвоная Беларусь. – 1932. – № 7. – С. 12.
31. Китайские добровольцы в боях за Советскую власть (1918–1922 гг.) / под ред. Лю Юн-аня. – Москва : Восточная литература, 1961. – 178 с.
32. Китанина, Т. М. Военно-инфляционные концерны в России 1914–1917 гг. Концерн Путилова-Стахеева-Батолина / Т. М. Китанина. – Ленинград : Наука, 1969. – 180 с.
33. Левитов, И. С. Желтая раса / И. С. Левитов. – Санкт-Петербург : Типография инж. Г. А. Бернштейна, 1900. – 49 с.
34. Линдеман, К. Э. Законы 2 февраля 1915 г. (об ограничении немецкого землевладения в России) и их влияние на экономическое состояние Южной России / К. Э. Линдеман. – Москва : Типография К. Л. Меньшова, 1915. – 115 с.
35. Лубны-Герцык, Л. И. Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции / Л. И. Лубны-Герцык. – Москва : Плановое хозяйство, 1926. – 124 с.
36. Ляндау, Л. Г. Иностраный капитал в дореволюционной России и в СССР / Л. Г. Ляндау. – Москва–Ленинград : Государственное издательство, 1925. – 58 с.
37. Маевский, И. В. Экономика русской промышленности в условиях первой мировой войны / И. В. Маевский. – Москва : Госполитиздат, 1957. – 391 с.
38. Матвеев, Н. П. Китайцы на карийских промыслах [Электронный ресурс] / Н. П. Матвеев // Русское богатство. – 1911. – № 12. – Режим доступа: http://drevlit.ru/docs/kitay/XX/1900-1920/Matveev_N_P/text1.php – Дата доступа : 25.08.2020.
39. Меркулов, С. Д. Вопросы колонизации Приамурского края : статьи, письма, записки / С. Д. Меркулов. – Санкт-Петербург : Типография Ю. Мансфельда, 1911. – 107 с.
40. “Немецкое Зло” : сборник статей, посвященных вопросу о борьбе с нашей “внутренней Германией” / Э. Бутру, С. П. Мансырев [и др.]. – Москва : Тов-во типографии А. И. Мамонтова, 1917. – 198 с.
41. Никитинский, И. И., Софинов, П. Г. Немецкий шпионаж в России во время войны 1914–1918 гг. / И. И. Никитинский, П. Г. Софинов. – Москва : Государственное издательство политической литературы, 1942. – 46 с.
42. Новогрудский, Г. С., Дунаевский, А. М. Товарищи китайские бойцы / Г. С. Новогрудский, А. М. Дунаевский. – Москва : Воениздат, 1959. – 200 с.
43. Об иностранцах в России : сборник узаконений, трактатов и конвенций с относящимися к ним правительственными и судебными разъяснениями /

- сост. : М. И. Мыш. – Санкт-Петербург : Типография Н. А. Лебедева, 1888. – 54 с.
44. Оль, П. В. Иностранные капиталы в народном хозяйстве довоенной России / П. В. Оль. – Ленинград : Изд-во Всесоюз. Акад. наук, 1925. – 35 с.
45. Осинский, В. В. Международные и межконтинентальные миграции в довоенной России и СССР / В. В. Осинский. – Москва : Изд. ЦСУ Союза ССР, 1928. – 136 с.
46. Панов, А. А. Желтый вопрос в Приамурье : историко-статистический очерк / А. А. Панов. – Санкт-Петербург : Типография Ф. Байсберга и П. Гершунина, 1910. – 66 с.
47. Писаревский, Г. Г. Из истории иностранной колонизации в России в XVIII в. : (По неизд. архив. документам) / Г. Г. Писаревский. – Москва : Печ. А. И. Снегиревой, 1909. – 84 с.
48. Полетика, Н. П. Возникновение первой мировой войны (июльский кризис 1914 г.) / Н. П. Полетика. – Москва : Мысль, 1964. – 606 с.
49. Попов, А. Л. Чехо-словацкий вопрос и царская дипломатия в 1914–1917 гг. / А. Л. Попов // Красный архив. – 1929. – Т. 2. – С. 3–33; Т. 3. – С. 3–38.
50. Попов, Н. А. Они с нами сражались за власть Советов. Китайские добровольцы на фронтах гражданской войны в России (1918–1922) / Н. А. Попов. – Ленинград : Лениздат, 1959. – 196 с.
51. Попов, Н. А. Участие китайских интернациональных частей в защите советской республики в период гражданской войны (1918–1920-е гг.) / Н. А. Попов // Вопросы истории. – 1957. – № 10. – С. 109–123.
52. Прокопович, С. Н. Война и народное хозяйство / С. Н. Прокопович. – Москва : Типография Н. А. Сазоновой, 1918. – 264 с.
53. Ронин, С. Л. Иностранный капитал и русские банки : К вопросу о финансовом капитале в России / С. Ронин. – Москва : Изд-во Коммун. ун-та им. Я. М. Свердлова, 1926. – 141 с.
54. Россия в Первой мировой войне 1914–1918 года (в цифрах) / Отд. воен. статистики Центр. стат. управления. – Москва : Типография М.К.Х., 1925. – 103 с.
55. Ростунов, И. И. Русский фронт Первой мировой войны / И. И. Ростунов. – Москва : Наука, 1976. – 387 с.
56. Семенников, В. П. Романовы и германские влияния во время мировой войны / В. П. Семенников. – Ленинград : Изд-во «Красная газета», 1929. – 151 с.
57. Сидоров, А. Л. Экономическое положение России в годы первой мировой войны / А. Л. Сидоров. – Москва : Наука, 1973. – 655 с.
58. Строков, А. А. Вооруженные силы и военное искусство в Первой мировой войне / А. А. Строков. – Москва : Воениздат, 1974. – 616 с.
59. Тизенгаузен, Н. А. Некоторые статистические данные о народонаселении Западного края России : с приложением таблиц распределения населения Западного края по вероисповеданиям, народностям, грамотности, сословиям, занятиям / Н. А. Тизенгаузен ; под ред. Д. В. Скрынченко. – Минск : Тип. С. А. Некрасова, 1910. – 109 с.

60. Труды Центрального статистического управления / под ред. П. И. Попова. – Москва : Типография М.К.Х., 1924. – Т. XVIII. Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 – 481 с.
61. Ульянов, И. И. Октябрьская революция и военнопленные / И. И. Ульянов // Пролетарская революция. – 1929. – № 7. – С. 95–110.
62. Урланис, Б. Ц. Войны и народонаселение Европы : людские потери вооруженных сил европейских стран XVII–XX вв. / Б. Ц. Урланис. – Москва : Изд-во соц.-экон. лит-ры, 1960. – 565 с.
63. Филимонова, Т. Д. Об этнокультурном развитии немцев в СССР / Т. Д. Филимонова // Советская этнография. – 1986. – № 4. – С. 100–111.
64. Шигалин, Г. И. Военная экономика в первую мировую войну (1914–1918 гг.) / Г. И. Шигалин. – Москва : Воениздат, 1956. – 332 с.
65. Шипек, А. С. Военнопленные и их использование в мировой и гражданской войнах / А. С. Шипек // Война и революция. – 1928. – № 2. – С. 64–72.
66. Шнейдер, И. Революционное движение среди военнопленных в России в 1915–1919 гг. / И. Шнейдер // Борьба классов. – 1935. – № 3. – С. 54–61.
67. Эвентов, Л. Я. Иностранные капиталы в русской промышленности. – Москва–Ленинград : ОГИЗ-Гос. соц.-экон. изд., тип. «Красный пролетарий», 1931. – 104 с.

Артикул наступіу у рэдакцыю 24.08.2020

Рындин Сергей Николаевич, магистр исторических наук, ведущий научный сотрудник отдела научно-исследовательской и публикационной деятельности Национального исторического архива Беларуси.

«Иностранные подданные в России накануне и в годы Первой мировой войны: дореволюционная российская и советская историография»

В статье отмечается, что с конца XIX в. существенно возросло количество научной и публицистической литературы, посвященной пребыванию в Российской империи иностранных подданных. В годы Первой мировой войны эта тема стала особенно актуальной в связи с тем, что в России находились подданные «неприятельских» государств, включая военнопленных. В историографии советского периода пребывание иностранцев в России преимущественно изучалось в рамках более широких тем: проблемы развития экономики, антивоенное и антиправительственное движение, деятельность партии большевиков, Гражданская война. В статье также рассматривается изучение в дореволюционной российской и советской историографии положения иностранцев в белорусских губерниях России.

Рындзін Сяргей Мікалаевіч, магістр гістарычных навук, вядучы навуковы супрацоўнік аддзела навукова-даследчай і публікацыйнай дзейнасці Нацыянальнага гістарычнага архіва Беларусі.

«Замежныя падданыя ў Расіі напярэдадні і ў гады Першай сусветнай вайны: дарэвалюцыйная расійская і савецкая гістарыяграфія»

У артыкуле адзначаецца, што з канца XIX ст. істотна ўзрасла колькасць навуковай і публіцыстычнай літаратуры, прысвечанай знаходжанню ў Расійскай імперыі замежных падданных. У гады Першай сусветнай вайны гэтая тэма стала асабліва актуальнай у сувязі з тым, што ў Расіі знаходзіліся падданыя «непрыяцельскіх» дзяржаў, у тым ліку і ваеннапалонныя. У гістарыяграфіі савецкага перыяду знаходжанне замежнікаў у Расіі пераважна вывучалася ў рамках шырэйшых тэм: праблемы развіцця эканомікі, антываенны і антыўрадавы рух, дзейнасць партыі бальшавікоў, Грамадзянская вайна. У артыкуле таксама разглядаецца вывучэнне ў дарэвалюцыйнай расійскай і савецкай гістарыяграфіі становішча замежнікаў у беларускіх губернях Расіі.

Ryndzin Siarhey, Leading Researcher, Department of ???; National Historical Archives of Belarus.

«???»

???